

Желание в «повседневной метафизике» психоанализа

И.В. Красавин
аспирант

Психоанализ является тем разделом интеллектуального знания, который «владеет» темой желания. Психоанализ с начала своего возникновения постулировал объектом своего исследования желающий аспект природы человека. На сегодняшний день психоанализ достаточно глубоко разработал тему желания, настолько, что, во-первых, философия уже не может обойти эту тему стороной без ущерба для адекватного понимания человека, и, во-вторых, ресурсы, которые скрывает в себе концепт желания, в состоянии изменить картину социума практически во всех социально-гуманитарных науках, что и побудило нас на это исследование. Сложный механизм, созданный психоаналитической теорией, почти безупречен, за исключением, пожалуй, того факта, что, благодаря усилиям психоаналитиков, насчитывается несколько десятков моделей этого механизма, но сам он до сих пор остаётся скрытым, чем побуждает создавать всё новые и новые модели.

Для данной работы мы выбрали толкования двух представителей этого раздела знания о человеке и желании — З. Фрейда и Ж. Лакана. Выбор наш руководствуется преемственностью этих мыслителей, их влиянием на психоанализ и современную культуру в целом, а также тем, что проблема желания оставалась для обоих одной из центральных тем исследований.

Основные вопросы, которые мы исследуем, будут касаться природы желания как явления человеческой жизни и его характеристик. Нас также интересует природа субъекта как субъекта желающего. Не менее интересной является тема социальной интерпретации желания, поскольку, с одной стороны, источник и природа желания (такие, какие они есть на самом деле) не доступны, с другой, описания психоанализа, в силу непроверяемости источника, носят характер предписаний (их интересного переплетения мы обязательно коснёмся у обоих авторов) и претендуют на метазначение.

В начале работы мы рассмотрим, как с психоанализом появляется тема желания в сновидении. Основное внимание в этой части будет уделено методам интерпретации сновидения (а, следовательно, и принципов работы и определения желания), базирующимся, в основном, на повседневной логике линейных связей Аристотеля и принципах объектных отношений, заимствованных из классической механики. В дальнейшем мы, на основании исследований Фрейда, дадим основные характеристики описываемого им субъекта желания, управляемого трансцендентальным единством. От нашего анализа не укроется то, как гомогенный трансцендентальный субъект психоаналитической методологии был в своё время перенесён Фрейдом на субъект реального, то есть, бессознательное.

Проблема устной речи пациента в психоаналитическом дискурсе будет изучена сначала на материале фрейдовских сновидений, где будут даны замечания относительно их словесной интерпретации и значения этого для понимания желания, а затем продолжена уже на материале Ж. Лакана. В связи с исследованием лаканистской концепции, опять будет поднят вопрос устройства субъекта, а также проблема той двусмысленной роли, которую играет в дискурсе Лакана социальность. Мы с очевидностью усмотрим, как социальное (в его ограниченном, повседневном значении) и психическое меняются местами. Также мы увидим, как в таком тонком и весьма неоднозначном вопросе, как природа субъекта, Лакан вводит хитрую диалектику означающего фаллоса, выстраивая в единый взаимозависимый ряд устройство бессознательного, работу желания и схему организации социальности. Понимание последнего феномена (и мы это обязательно покажем) в работах Лакана основано на доминировании уже-известного, «здравом смысле», предполагающего однородность и линейную упорядоченность социальности и, соответственно, желания.

В заключение будет сделано несколько замечаний относительно характеристик субъекта, принципов работы и организации желания и вытекающие из них требования к методологии исследования социальности и человеческой природы.

Мы не будем касаться подлинности практики психоанализа, и также мы не исключаем того, что эта практика может быть успешной и осуществлять лечение. Вопросы, которые нас интересуют, лежат в области оснований психоанализа. Предметом исследования будут те процессы, формы, которые психоанализ подразумевает сущностными для желания и бессознательного.

Впервые психоанализ как самостоятельная теория проявил себя в толковании сновидений*. В 1895 году З. Фрейд описывает эту область, как ту, что в корне отличается от повседневности. Сновидения управляются совсем иными принципами, нежели рациональное сознание. Сновидения не являются плодом разума — они являются осуществлением желания.

Фрейд не вдаётся в объяснения по поводу того, что есть желание, но из его работ ясно, что под этим понятием подразумеваются мотивы, управляющие мышлением, поведением, переживаниями человека. Область бессознательного, являющаяся источником желаний, не представлена в деятельности человека и культуре явно. Это указывает на структурную инородность работы рационального сознания и бессознательного. Было заявлено о нетождественности человека самому себе. Бессознательное не высказывается прямо, и желания его идут окольным путём, но, несмотря на это, оно управляет деятельностью человеческого «Я». Бессознательное индивида не в состоянии без помех воплотить себя вовне, реализовать свои желания в силу существования других индивидов и культурных предписаний, которые исполняют желания, и не так, как этого требует оно, а так, как это потребно культуре. Физические переживания желания бессознательного указывают на связь с телом, с тем, что в корне отлично от мышления, с тем, что только и может желать, но не способно на самостоятельное рефлексивное целеполагание.

Короче говоря, бессознательное противоположно рациональному сознанию, но вместе с тем цепко стыкуется с последним, делая человека разменной пешкой желаний обеих аспектов реальности. Поскольку сновидения совмещают в себе все противоположности и сходные стороны, их толкование позволит описать желания бессознательного.

Как же Фрейд подходит к решению такой сложной задачи? Он исходит из того, что, раз в сновидении присутствуют элементы нашей повседневной жизни, значит сновидение является реакцией на происшествия в повседневных делах или использует эти элементы для выражения бессознательных желаний: «Если вечером я ем сардельки или другие какие-либо солёные кушанья, то ночью у меня появляется жажда... я вижу сновидение постоянно с одним и тем же содержанием: мне снится, что я пью»**. Примером другой причины может служить знаменитое сновидение об инъекции Ирме.

* См.: Фрейд З. Толкование сновидений. Минск, 2000.

** Там же. С.132.

Когда бы Фрейд ни анализировал сон, его толкование всегда исходило из того, что изображаемые в нём люди и события, если таковые имели место, отсылают именно к самим этим произошедшим событиям. Желания, исполнение которых происходит во сне, связаны, таким образом, с самими изображёнными событиями и людьми. Всё, с чем человек имеет дело в сновидении, есть искажённая повседневная реальность. Причина сновидения близка к своему следствию во времени и ясно намекает о себе картиной воспоминаний. Фрейд указывает на собственную динамику желания бессознательного в сновидении, но само сновидение он уподобляет своего рода искривлённому зеркалу повседневной реальности. Сновидение, а через него и бессознательное неявно дублируют реальность (разумеется, Фрейд не отождествлял бессознательное и сновидение, однако, сам его подход к трактовке желаний бессознательного в сновидении, как мы увидим позднее, вынуждает нас прийти именно к такой формулировке). Очевидность того, что в сновидениях присутствуют элементы 'событий, произошедших в «дневной реальности», по мысли Фрейда, ясно указывает на то, что последние и послужили причиной сновидения.

Как подлинно самоотверженный учёный, он на этом не остановился. Смещение во сне элементов разных времён жизни человека говорит о том, что не только ближайшие события, впечатления о которых ещё свежи в памяти, являются причиной сновидения. Реакции и желания, имевшие место в далёком прошлом, в сновидении, то есть, для бессознательного, остаются в настоящем и переживаются как современные. Сновидение предстаёт наслоением разных желаний, которые сохраняются даже тогда, когда причина его давно и прочно забыта. Наиболее важные причины лежат в области раннего детства.

Сновидение может представлять собой очень сложное наслоение разных переживаний, но, исследуя его, аналитик обязательно дойдёт до самого первого желания — оно и окажется исходным и формообразующим. Путь рассуждений Фрейда был следующим: после рождения человека, его психика «открыта» реальности и напрямую требует исполнения желаний: об этом свидетельствует эгоизм младенцев и детей раннего возраста. По мере взросления и формирования культурного сознания психике приходится сталкиваться с всё большим количеством ограничений, как правило, болезненных и подавляющих желания. Желания сохраняются в бессознательном и продолжают желать, формируя образование новых желаний.

Исследуя бессознательные желания пациента, аналитик разводит друг от друга сросшиеся наслоения переживаний и желаний. Вполне естественно, что среди прочих он найдёт и переживания раннего детства. Дальнейшее углубление в психические переживания невозможно, поскольку пациент уже не в состоянии вспомнить и вербально выразить переживания начального возраста. Поскольку сама психика так, как она есть, не дана для исследования, а даны лишь аффекты воздействия её желаний, психоанализ «логично» умозаключает, что первые желания и являются фундаментальными, ведь желания более позднего возраста приходят и формируются уже в поле существующих желаний, которые вовсе не теряют своей силы. В свою очередь, детям, чьи игры формально основаны на дублировании паттернов поведения окружающих, приписывается скрытое желание стать взрослыми, рациональными господами своего существования, как если бы они уже были взрослыми, но с некоторыми возрастными отклонениями*.

Эта концепция сугубо теоретична просто потому, что она не проверяема. Что представляется спорным, так это линейная иерархия желаний. Не совсем понятно, почему природа различных желаний и их источник должны быть редуцированы к раннему возрасту, почему новые переживания не могут оказывать воздействия на более ранние? Концепция Фрейда является предположением, но подана как аксиома. Если причиной столь сильного влияния ранних желаний является открытость бессознательного (его телесность, ещё не ведающая культуры) и, безусловно, сильнейший шок воздействия послеродовой реальности, то чем тогда объяснить влияние гетеросексуального Эдипова комплекса, участники формирования которого уже социальны? Иначе говоря, классический психоанализ ищет Эдипов комплекс, происхождение коего социально — в младенческой психике. В толь-ко что родившемся младенце никакого Эдипа ещё нет. И если желания Эдипа социальные, что мешает другим желаниям социального происхождения оказывать столь же сильное воздействие? Эти переживания могут потрясать не менее, чем младенческие, и быть также и телесными, поскольку желания тела никуда не исчезают. Если рассуждать в духе поиска первопричины, то, без сомнения, путь Фрейда неоспорим. Но если причина первая только по времени, а не по воздействию, то ход рассуждений Фрейда несколько сомнителен.

Очевидно, эта редукция желаний к раннему дорефлективному возрасту позволила сделать Фрейду вывод о характере мышления и

* Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия, Харьков; М., 2001 г. С. 384.

его отличия от бессознательных желаний. «Быть может, здесь мне сделают возражение, которое будет оспаривать необходимость отказа сновидения от изображения логической связи. Есть ведь много сновидений, в которых совершаются самые сложные умственные операции, в которых мы находим аргументации и противоречия, сравнения и связи, — совсем как в бодрствующем мышлении. Но это только иллюзия. Подвергнув такое сновидение толкованию, мы увидим, что всё это *лишь материал сновидения, а не изображение интеллектуальной работы в нём*. Мнимое мышление в сновидении передаёт лишь *содержание мыслей, а не их взаимную связь*, в установлении которой состоит мышление»*.

Пока мы остановимся на том, каким Фрейд виделось мышление, а потом отметим соответствующие характеристики сновидения. Приведённая выше цитата указывает на то, что Фрейд, по всей видимости, отождествлял мышление и интеллект. Не всё содержание мышления доходит до сознания, но в целом мышление, при отождествлении с интеллектом, виделось рациональным. Таким образом, мышление становится мышлением теоретической рефлексии, а его логика сводится к классической логике сознательной рефлексии. Что интересно, на этом поприще у Фрейда был союзник — Э. Гуссерль. Правда, он писал о сознании, но его характеристики «правильного» мышления Эго совпадают с тем образом мышления, каким оно предстаёт у Фрейда. Такое мышление обладает властным центром, который осуществляет контроль и интеллектуальную работу. Связь мыслей в таком случае должна проходить в русле логики аристотелевской силлогистики, выбирающей истину из двух посылок, усматриваемых с очевидностью и делающей необходимое неопровержимое суждение.

О том, как осуществляется связь элементов сновидения, говорит методология его анализа. В главе шестой «Толкования сновидений» под названием «Работа сновидения» Фрейд анализирует её, пользуясь категориями и логикой Аристотеля. Это с необходимостью вынуждает его давать интерпретацию сновидения в рациональном ключе. Аристотелевская логика основывается на линейности связей значения, тождестве присутствия и репрезентации**. Она подаёт вывод силлогизма истинным с необходимостью, как если бы теоретический вывод являлся дубликатом положения вещей. Работа сновидения предстаёт

* Там же. С. 332-333

** Кассен Б. Эффект софистики. М; СПб., 2000.

подставляющейся под анализ аристотелевской рациональности, как если бы сновидение было всего лишь оборотной стороной рациональности, её кривым, но зеркалом. При этом Фрейд понимал и писал, что сновидение не управляется логикой силлогизмов, но, толкуя его, он заставлял сновидение и его причины складываться с помощью классической логики, как если бы у сновидения втуне присутствовал рациональный центр. Впоследствии эта модель психики позволила ему перевести бессознательное в описание основ культуры.

Более того, сравнения толкования сновидения, которые использует Фрейд, недвусмысленно указывают на его словесный характер. А цепь умозаключений, основывающихся на классической логике, которой он пользуется, оказывается, таким образом, лежащей в основании сновидения: «...толкование должно опираться на его словесное выражение. Несмотря на это, можно всё же сказать, что сновидение, не имеющее вовсе в виду быть доступным для понимания, не представляет толкователю больших трудностей, чем, например, древние иероглифы их читателям»*. И далее, совершенно чётко и недвусмысленно: «Желая сравнить с чем-нибудь окончательный вид сновидения, получающийся при содействии нормального мышления, я не могу подобрать ничего более подходящего, чем те загадочные надписи, которыми в разделе «Смесь» забавляют многие журналы своих читателей. ... Не желая обманываться, мы должны, не обращая внимания на все реквизиты надписи, считаться только с *буквами* (курсив мой — И.К.) и вопреки их данному расположению соединять их в *слова нашего родного языка* (курсив мой — И.К.)»**. То есть, сновидение просто болтает со сновидцем на его же языке, просто лишь перемешивая буквы и слова, а то, что язык сновидения, хоть он и «естественный», непонятен, так это потому, что поведение сновидения девиантно по сравнению с речью сознания.

Тот факт, что слова составляют далеко не самую большую часть сновидения, не освобождает его от обязанности изъясняться на «естественном», словесном языке. Удивительно, не единожды фиксируя нелинейность сновидения и его выстраивание с помощью изображения, толкование и нахождение значения и смысла Фрейд осуществлял, опираясь лишь на возможности словесного означивания, как если бы никаких знаков, кроме словесных или «графических», не было вовсе.

* Фрейд З. Толкование сновидений. С.357.

** Там же. С.443.

Сновидение не изображает собственных мыслей. Это экран бессознательного. Таким образом, руководствуясь линейной причинно-следственной связью, бессознательное, высказываясь многообразно, являет собой обычный, хотя и сложный механизм (в смысле самого термина механики, опирающегося на линейную логику). А модель организации этого механизма переносится на желание, которое желает так и того, как позволяет это осуществлять линейная логика.

Сновидение и бессознательное предстают рассказывающими себя в устной речи тождественного субъекта научного (позитивистского) познания. Даже если эта речь — речь больного, который должен стать подобным самотождественному субъекту, чтобы рассказать себя и вылечиться. Власть бессознательного, подвергаясь дешифровке, аннулировалась бы и подчинялась власти разумного субъекта (в пользу такого предположения также говорит та «успешность» и частота прямых указаний Фрейда пациентам о прямом и сущностном значении желаний в их сновидениях). А разум субъекта был бы трансцендентальным центром, включающим бессознательное в свою структуру.

Получается так, как если бы бессознательные желания стремились быть переведёнными в рациональный дискурс, а это может происходить при условии того, что источником желания также является рациональность, которое подаёт свои сигналы, находясь в поле бессознательного.

В пользу такой трактовки также говорят следующие положения теории Фрейда. Одним из важнейших аспектов его теории было экономическое распределение энергии. Желаниям психики он приписывал заряды определённого количества энергии. Первостепенное значение имело распределение энергии между вводом, потреблением и выводом. Здесь Фрейд ничем не отличается от Вальраса, Менгера или Кейнса: задачу психики он видел в предотвращении задержки энергий желания и поддержания общего количества возбуждения на наиболее низком уровне. То есть в идеале бессознательное субъекта стремится к тому, чтобы вообще никаких желаний не было, процессы распределения энергии в психике были бы равновесными, а сама психика статичной.

Все психические процессы он объяснял с точки зрения взаимодействия и столкновения разных психологических сил*. Они усиливают, подавляют, противодействуют друг другу. Этим силам приписывается определённая направленность. Что здесь использует Фрейд,

* См.: Гроф С. За пределами мозга. М., 2002 г.

так это ньютонову механику, управляемую принципом действия и противодействия. Психические силы, желания описываются почти как материальные тела в евклидовом пространстве. Существенно, что автор теории предупреждал об абстрактном характере моделей психических образований, но их объяснение, между тем, ведётся в духе описания материальных объектов. И это вынуждало Фрейда использовать принцип противоположности в описании практически всех психических явлений, вовлекая Оно в игру по правилам спекулятивной диалектики*.

Одной цитаты достаточно, чтобы представить его схему алгоритма протекания желаний: «Первое, что нам бросается в глаза, это то, что этот (психический) *аппарат* (курсив мой — И. К.), состоящий из пси-систем, имеет определённое направление. Вся наша психическая деятельность исходит из (внутренних или внешних) раздражений и заканчивается иннервациями. Тем самым мы утверждаем, что у аппарата *имеются два конца* (курсив мой — И. К.), чувствующий и моторный. На чувствующем находится система, получающая восприятия, на моторном — другая, раскрывающая шлюзы движения. Психический процесс протекает всегда от воспринимающего конца к моторному»**. В дальнейших строках Фрейд идёт ещё дальше и заявляет о том, что образцом для создания психического аппарата служит аппарат рефлекторный. Фрейд описывает буквально порядок прохождения связей восприятий и переживаний, который оказывается линейным и жёстко разделяет порядок знаков в соответствии с их определёнными характеристиками.

Как ему это удаётся, на основании каких данных — неизвестно. Психика в целом и протекание переживаний и желаний подобны скорее кассовому аппарату, чем динамичному знаковому образованию.

Модель действия желания и организации психики тем более сомнительны, что помимо «словесных» сновидений, заданных рациональностью, аналитик опирается лишь на речь пациента. Аналитик лишён прямого доступа к психике, он работает лишь с аффектами воздействия желания. Причём, работа была бы намного легче, если бы у пациента присутствовало одно желание и если бы выражающая его речь прямо соответствовала желанию, а психоаналитик имел непосредственное понимание этой речи и сути желания. Но такая ситуация возможна лишь при условии наличия трансцендентального

* См.: Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Толкование сновидений.

** Фрейд З. Толкование сновидений. С.469.

центра, который выпускал бы одни и те же желания и присваивал их смысл. То, что такая ситуация сомнительна, и вызвало к жизни психоанализ, но сам он ищет в человеке именно такой центр. Соответственно, если таковой центр отсутствует — желания самых различных факторов и видов вторгаются в речь пациента, и совершенно необязательно, что эти желания принадлежат пациенту, а не языку, на котором он говорит, и социальности, в которой существует. Кроме того, и пациент, и аналитик сознательно могут оперировать лишь теми смыслами, которые доступны их пониманию. А что делать со смыслами, которые, присутствуя и оказывая влияние на формирование социальности, не представлены в ней прямо? То же касается «естественно присущих» смыслов, которые пытаются найти в социальной природе человека.

Таким образом, можно заключить, что у психоанализа нет прямого доступа к желанию, и он не знает, каков объект этого желания. Что делает психоанализ, так это создание и группировка объектов желания. Если так, то где основания для приписывания человеку свойств, в соответствии с которыми психоанализ утверждает себя как наука?

Этими проблемами озаботился «ученик» Фрейда Ж. Лакан, который проблематизировал основания психоанализа, указав на несовершенство речи как источника знания этой отрасли науки. В своей системе Лакан попытался создать полную картину функционирования психического в аспекте построения коммуникации желания. Он же связал воедино проблему основания и выстраивания коммуникации с проблемой представимости желания в социальности. Анализом этой попытки мы и займёмся.

Лакан разделил психику на три части, каждая из которых вносит свою лепту в формирование и выражение желания: это воображаемое, символическое и реальное. Главная трудность, которая сразу возникает в этой схеме, касается отношения символического и реального. Они построены на заимствованном из лингвистики концепте означающего/означаемого. Реальное выражает то «животное», что не представимо в символическом. С другой стороны, символическое как раз и призвано «культурно оформить» желания реального. Символическое является социальным феноменом, оно связано с артикулированностью и представленностью знаков в социальном. Стремясь объяснить взаимосвязь реального и символического, Лакан дублирует отношения означающего/означаемого гегелевской диалектикой слова

и животного в интерпретации А. Кожева*. Символическое убивает реальное, всякое взаимодействие с символическим для реального оборачивается травмой. Символическое приравнивается к смерти в связи с тем, что знаки в нём не фиксированы и не сцеплены с реальным — чего бы не желало реальное, символическое будет желать своего. Однако, тогда почему в символическом, по свидетельству того же Лакана, появляется дыра, нехватка исполненности желания — неспособность покрыть и выразить реальное, живое, обрекая его на неудовлетворённость?

Как вообще можно ставить вопрос о реальном или о символическом, о наличии неких природных, истинных, «реальных» желаниях, если то, что представлено — представлено социально? Здесь очевидно, что слепота «здорового смысла» повседневности (на котором зиждется объектная триада лакановской психики), не обладающего ресурсами для объяснения невидимых и непонятных вещей, играет с теорией Лакана заую шутку методологического свойства. Проблема дыры в символическом говорит о том, что само такое разделение не имеет смысла. Не будем забывать, что психоанализ взыскует истину, но если вместо истины — дыра, значит, метод вопрошания неадекватен. Всё оказывается и реальным и символическим одновременно. Дыра — нехватка — это не проблема субъекта, это хватка разрушающего всякую тотальность желания. В конце концов, нельзя сказать, что реальное не имеет знаковой природы, иначе никакого взаимодействия с символическим не было бы вообще. Но психоанализ основан на репрезентации — он не только прикрепляет невыразимое желание реального к каким-то определённым знакам, но и закрепляет эту операцию, происходящую в символическом, приписывая ей характер закона реального.

Разделяя психику, Лакан описывает страдание субъекта от своей разделённости, который жаждет замкнуть себя для однозначного, прямого и единонаправленного выражения желания, с последующим удовлетворением этого желания, энергетической исполненностью и символической равновесностью. Желание субъекта Лакан понимал как нечто, что никогда не имеет своего собственного знака — его-то желанию и не хватает. То есть, желание ищет некую основу, которая бы обладала способностью выразить, а, следовательно и удовлетворить его. Здесь мы сталкиваемся с первым аспектом проблемы субстанции, которая с необходимостью должна питать реальное и искать означивания.

* См.: Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. М., 1998.

У Лакана операция означивания желания производится с помощью фаллоса, внешнего знакового источника любви, счастья, доминирования, власти, наполненности бытия и исполненности желания. «Мы теперь можем это нечто назвать членораздельно — это не что иное, как то, что приключилось изначально с детским желанием — с тем сущностным желанием, что является с желанием желания Другого, то есть *желания быть желанным*. То, что в ходе этого приключения в субъект вписывается, подспудно остаётся в нём навсегда»*.

Фаллос означает признание. Субъект сталкивается с фаллосом буквально сразу после рождения, когда включается во взаимоотношения с матерью. Мы хотели бы спросить ещё раз, как получается так, что, будучи чистой доской, человек всё-таки вступает в эти взаимоотношения как в отношения социальные, отмеченные желанием матери? Эти отношения существовали ещё и до рождения, а если их не было, как доска сознания позволяет исчерчивать себя желанием фаллоса?

Желание желает фаллос как таковой, только потому, что он фаллос — символ признания и любви. Субъект изначально фаллоса лишён, он не знает, как заявить о своём желании. И когда субъект узнаёт, как это сделать, он начинает желать фаллос. Субъект может отказать себе в желании чего угодно, только не фаллоса. Пучок проблем, которые произрастают из этой торжественной фигуры, связан с теми положениями, которые мы уже рассмотрели. Для того чтобы желать фаллос, нужно уже быть гомогенным субъектом или, по крайней мере, обладать трансцендентальным центром управления и производства желаний; единое движение будет управляться могучим символом. Далее — когда субъект узнаёт фаллос, почему он должен перестраивать свои желания для подчинения одному-единственному принципу? Бессознательное может желать что угодно, у нас нет доказательства обратного. И, наконец, если фаллос знаменует собой социальные отношения, то где доказательства того, что они выстраиваются по закону фаллоса? То есть, по закону гегелевского Господина, открывающего мучительное знание Раба. В данном случае мы сталкиваемся со вторым аспектом проблемы субстанции, только уже не желания, а субстанции фаллоса, некоего эфира любви, от него исходящей. Это и есть та дыра символического, которую фаллос должен закрыть, если субъект действительно трансцендентален, желание его — легчайший эфир, а суть его — реальное под пятой означающего символического.

* Лакан Ж. Семинары. Книга 5. М., 2002. С.315.

Но если реальное и символическое — одно и то же поле разных знаков, оппозиция означающее/означаемое не нужна, и у означающего фаллоса нет никакой власти над означаемым реальным. Также снимается необходимость в наличии нехватки как основы желания. Субъект Лакана страдает от бессилия замкнуться в целостность и при этом, что удивительно, желает нехватки, чтобы иметь возможность всегда желать фаллос (так осуществляется жёсткая привязка к типизированной форме социальности), но мыслит и желает посредством Другого, чем подвешивает сам вопрос о целостности. Однако для страдания необходим субъект, который знает, что должен быть замкнут.

Субъект ищет собственной гомогенности, стремится выстроить вертикаль иерархии желаний — такого его безотчётное стремление, его сокровенное желание, единственный приказ, который он чувствует, как если бы уже был гомогенным и имел один источник желания. Ища истину субъекта в его речи и претендуя на аутентичное понимание её кода, психоанализ желает отыскать одну глобальную причину его желаний. Уже этим бессознательное превращается в гомогенное, персонифицированное образование, которое проговаривается только об одном. Психоанализ подводит его же собственные послышки, одна из которых — представление о человеке как о *tabula rasa*, на чистую поверхность которого социальность наносит свои символы, которые, в свою очередь, сразу же превращаются в «природные» свойства и желания. Психоанализ подменяет психическое социальным, что и дало возможность Леви-Строссу сказать, что Эдипов комплекс является лишь ещё одной версией мифа об Эдипе.

Наконец, последняя зацепка психоанализа: субъект, желающий самого себя, в том смысле, что субъект, желая желание Другого, пытается найти истину самого себя. Вопрос, который мы здесь должны задать — какой субъект ищет истину о самом себе? Каков он, что понимает под субъектом психоанализ? Ответом на наш вопрос могут послужить слова из «Стадии зеркала», формулировку которой Лакан считал своим важнейшим открытием: «Радостное усвоение ребёнком на стадии *infans*, т. е. ребёнком, кормящимся грудью и неспособным самостоятельно передвигаться, собственного зрительного образа является идеальной ситуацией для изучения той символической матрицы, где Я оседает в своей первоначальной форме — прежде чем будет объективировано в диалектике идентификации с другим, и прежде чем язык восстановит функционирование этого Я во всеобщем в

качестве субъекта... она является субъекту зафиксированной в рельефной статурности и обращённо симметричной...»*

Итак, в качестве субъекта предстаёт *persona*, в том значении телесности, которое это слово несёт в латинском языке. Желания субъекта ограничиваются желаниями персоны, то есть самотождественной культурно-биологической машины. Субъект трансцендентален от начала (скрытого центра управления реальным) и до конца (централизованное выражение желаний, исходя из замкнутого образа самого себя). Такие желания были бы под стать воображаемому «Я», отвечающему за репрезентацию желаний, а не реальному.

Триада воображаемое, символическое, реальное повторяет рассудок, разум и душу Канта, родоначальника трансцендентальной философии. А разорванность субъекта подчиняется самотождественности модели, которой субъект стремится (то есть, должен) стать. Помещая человека в матрицу биологической машины-базиса (тело, реальное), над которой плавают культурная надстройка самовоспроизводящегося фаллоса (рассказывающего в речи только о самом себе), Лакан замыкает субъекта в рамках его повседневной воображаемой персональности. Это происходит в связи с тем, что Лакан подчиняет производство желания классической метафизике самотождественной персональности, которую якобы стремится обрести субъект. Для того, чтобы это движение стало таковым с необходимостью, он вводит в желание нехватку. То есть беда реального в том, что оно не подчинено классической метафизике, и потому оно стремится ей подчиниться.

«Но для нас важно в этой форме то, что она сразу, ещё до её социальной детерминации, ставит инстанцию «моего Я» (эго) в ряд фикций, для отдельного индивида принципиально неустрашимых»**. Оказывается, матрица, отвечающая за восприятие реальности, вовсе не социальна, ведь формирование её происходит в то время, когда у субъекта ещё не сформирован рассудок, заставляющий его принимать правила общества. Просто субъект, «узнав» себя со стороны, понимает, что есть символическая реальность *на самом деле*, какова именно его, реальность человека и каким она приписывает субъекту быть.

Но если формирование образа «Я», образа реальности происходит в социальности, значит, матрица образа также социальна. Здесь мы

* Лакан Ж. Стадия зеркала и её роль в формировании функции Я, в том виде, в каком она предстаёт нам в психоаналитическом опыте / Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда, М., 1997. С. 8-9.

** Там же. С. 8.

исходим из того, что социальная детерминация восприятия реальности всегда имеет место. При этом социальность не исчерпывается только непосредственно известным, осознаваемым рассудочно, а является частью многомерного мира реальности. Однако, содержа в себе самые разные аспекты, явления, социальность не открывает и не подаёт их все, поскольку методология познания реальности одновременно является методологией её конструирования. Поэтому то, как социальность детерминирует наше восприятие реальности, лишь частный, локальный аспект самой социальности и даёт он представление только о какой-то ограниченной области.

Говоря о социальной детерминации психики, человека, желания, мы должны учитывать, что эта детерминация, смысл которой нам уже известен, не исчерпывает всех их возможных путей формирования и прохождения. А также то, что наши представления о том, в какой форме и степени желание детерминировано социальностью, не совпадают с реальным производством желания.

Позиция Лакана, опирающегося на классическую метафизику, состоит в том, что желанием наделяется только «животная» часть человека, тогда как «разумный» и «рассудочный» мир символического желания лишён: «...причина, дающая человеческому познанию большую независимость от силового поля желания, нежели у животного, но в то же самое время детерминирующее её «толикой реальности»...заключена в социальной диалектике...»^{*}; будучи стерильным, мир символического лишь подставляет себя желанию по факту существования. Естественно, мы полагаем, что если уйти от субстанциалистского подхода в трактовке желания, нужно признать в качестве желающей и сферу символического, которое (после изъятия субстанции) перемешивается с реальным.

Здесь уже приходится говорить о том, что, если оба аспекта бессознательного наделены желаниями, следовательно, символический мир культуры весь состоит из желаний и создан ими. «Реальное символическое» группирует и расставляет объекты культуры, социальности, а та, в свою очередь, группирует объекты желаний в бессознательном, и этот множественный знаковый алгоритм не имеет конца. Гетерогенность социальности и бессознательного вызвана изначальной множественностью желаний, присущей природным и культурным знаковым образованиям, структурам во всех аспектах их организации. Каждый элемент любой знаковой системы находится

^{*} Там же. С.10.

во взаимодействии с потенциально бесконечным количеством других элементов и систем, превращая, таким образом, статичную структуру символического в процесс структуриации.

Итак, даже в такой, пытающейся учесть все сложности, возникающие в области исследования психики и желания концепции, как лакановская, не удалось избежать просчётов, которыми Лакан обязан и Фрейду, и всей классической метафизике в целом. Обобщая замечания по поводу теорий Фрейда и Лакана, мы можем сказать, что эта отрасль гуманитарной науки продолжает оставаться пленённой классической метафизикой. Фиксируя разнонаправленность и разнородность желаний, психоанализ исходит из модели трансцендентального субъекта, который руководит высказываниями бессознательного или которого стремится достичь субъект реальный. Описание работы желания подводит субстанциалистский подход, настаивающий на наличии статичных и постоянных объектов желания и его некоей «животности», эфирности. Желание формирует своих субъектов и свои объекты, которые, в свою очередь, перестают выполнять субстантивирующую функцию, играя роль представителей желания.

Здесь можно привести слова Г. Бейтсона относительно того, «что мышление на языке субстанции и дискретных объектов является серьёзной ошибкой в логической типологии. В повседневной жизни мы имеем дело не с объектами, а с их сенсорными преобразованиями или с сообщениями о различиях; в смысле теории Коржибского мы имеем доступ к картам, а не к территории. Информация, различение и паттерн, составляющие наше знание о мире, являются лишёнными размерности сущностями, которые нельзя локализовать в пространстве или во времени. Информация течёт в цепях, которые выходят за общепринятые границы индивидуальности и включают всё окружающее. ... Как и в квантово-релятивистской физике акцент смещается от субстанции и объекта к форме, паттерну и процессу»*.

Требование господства трансцендентализма, заложенное в психоаналитическом дискурсе поиска истины, проходит через разрыв субъекта, выражающегося в разделении символического и реального; дистанция между ними выражает древний христианский комплекс кастрации в виде несовместимости души и тела. Психоанализ воплощает собой врача-шизофреника, который стремится стать параноиком. Он заявляет о претензии на право обладания достоверным

* Гроф С. За пределами мозга. М., 2002. С. 78.

шифром, имея лишь один канал коммуникации — слово. Подобное соединение лингвистического остроумия и ньютоновой механики заставляют психоанализ настаивать на неадекватных реальности концепциях, даже если он сам признаёт невозможность их полной применимости. А желание понимается как субстанция кастрированного фаллоса, обрести который не даёт собственный дискурс речи. И эта нехватка необходима психоанализу для воспроизводства собственных параноидальных желаний. Это желание настолько сильно и основополагающе, что, явившись для поиска истины, он оставляет истину в забвении ради метода; в результате чего метод уже не ищет истину, а сам объявляется истинным.

Сублимируя неудовлетворённость, вызванную трудностями исследования человека, психоанализ создаёт модель субъекта, разорванного в своём желании, но стремящегося обрести целостность, вписав желание в прокрустово ложе единого социального алгоритма повседневности. Если не желания субъекта, то желание социальности должно быть общим и единым, каким бывает «здравый смысл». Психоанализ экономит на желании. Он чувствует его присутствие повсюду, но признание желающей многомерности социального и психического отрицается, поскольку означает разрыв с метафизической традицией.

* * *

Критика «повседневной метафизики» психоанализа заставляет предположить, что человек не является просто скоплением материи в символической оболочке. Скорее, это совокупность информационных полей, наделённых разноуровневым осознанием реальности. Взаимодействие этих знаковых, информационных полей протекает как в линейной, так и в нелинейной логике. Эти знаковые поля включают в себя то, что принято называть материальностью и то, что принято называть символическим, которые оказываются разными типами знаков и взаимодействуют друг с другом в ходе замещения и сцепления друг с другом в процессе обмена и формирования информации.

Человек и «его» желания не могут пониматься адекватно с точки зрения субстанции, механистического толкования реальности, субъект-объектных отношений и принципа доминирования уже-известного в социальности, в которой проявляются вышеописанные процессы. Само понятие социальности требует дальнейшего осмысления и переработки, для того, чтобы сделать концептуальный язык науки чувствительным к ещё неизвестному или тому, что невозможно описать на языке логики объектов.